

**СКРЮЧЕННЫЙ
ДОМИШКО**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга — одна из моих особенно любимых. Я много лет откладывала ее, думала о ней, работала над ней, говорила себе: «Когда-нибудь, когда у меня будет много времени и я захочу доставить себе истинное удовольствие, я начну ее писать!» Должна сказать, что из всего написанного автором, пять книг — это работа, и только одна — истинное удовольствие. «Скрюченный домишко» доставил мне истинное наслаждение. Я часто задаю себе вопрос, понимают ли люди, читающие книгу, было ли ее создание тяжким трудом или удовольствием? Мне часто говорят: «Какое вы, наверное, получали удовольствие, когда писали это!» И это о книге, которая упорно не хотела получаться такой, как вам хотелось, персонажи которой сырые, сюжет излишне запутан, а диалоги натянутые; по крайней мере, вы сами так считаете. Но, возможно, автор не является лучшим судьей своего произведения. Тем не менее практически всем «Скрюченный домишко» понравился, поэтому моя вера в то, что это одна из моих лучших книг, оправдана.

Не знаю, откуда взялось в моей голове семейство Леонидис — оно просто появилось там, и все. Затем, подобно Топси, «они выросли».

Я считаю, что была всего лишь их летописцем.

Агата Кристи

ГЛАВА 1

Я познакомился с Софией Леонидис в Египте перед концом войны. Она занимала там высокую административную должность в одном из отделов Министерства иностранных дел. Сначала я познакомился с ней как с должностным лицом и быстро оценил деловые качества, позволившие ей занять этот пост, несмотря на молодость (в то время ей было двадцать два года).

Кроме того, что на нее было крайне приятно смотреть, она обладала ясным умом и сдержанным чувством юмора, который приводил меня в восторг. Мы подружились. С ней было необычайно легко беседовать, и мы получали большое удовольствие от совместных ужинов, а иногда ходили потанцевать.

Все это я понимал; но только после того, как получил приказ ехать на Восток, в конце войны в Европе я понял кое-что еще — что я люблю Софию и хочу на ней жениться.

Мы ужинали «У Шепарда», когда я сделал это открытие. Я не испытал шок от изумления; это было скорее признанием факта, который мне уже давно был известен. Я посмотрел на нее новыми глазами, но увидел лишь то, что уже давно знал. Мне нравилось все, что я видел. Черные вьющиеся волосы, гордо поднимающиеся надо лбом, яркие голубые глаза, маленький, квадратный, упрямый подбородок и прямой носик; хорошо скроенный светло-серый костюм с крахмальной белой сорочкой — она выглядела

настоящей англичанкой, и это мне очень нравилось после трех лет вдаль от родной земли. Я подумал, что не бывает более типичных англичан, но, едва успев это подумать, вдруг задал себе вопрос: такая ли она типичная англичанка, какой выгядит? Может ли подлинная вещь соответствовать идеальному образу из театрального представления?

Я осознал, что, хотя мы много и откровенно беседовали, обсуждали все то, что нам нравится или не нравится, будущее, близких друзей и знакомых, София никогда не говорила о своем доме и о своей семье. Она знала обо мне все (она хорошо умела слушать, как я уже говорил), но я о ней не знал ничего. Я полагал, что у нее была обычная семья, но она о ней никогда не говорила. И до того момента я этого не замечал.

София спросила у меня, о чем я думаю.

Я сказал правду:

— О вас.

— Понимаю, — сказала она. И, похоже, действительно поняла.

— Может быть, пару лет мы не будем видеться, — сказал я. — Я не знаю, когда вернусь в Англию. Но как только я вернусь, первое, что я сделаю, — приду к вам и попрошу вас выйти за меня замуж.

Она выслушала это, не моргнув и глазом. Сидела, курила и не смотрела на меня.

Секунду или две я нервничал: может быть, она меня не поняла?

— Послушайте, — продолжал я. — Я твердо решил не делать этого сейчас, не просить вас выйти за меня замуж нынче. Все равно ничего не получилось бы. Сначала вы, наверное, отвергли бы меня, и тогда я ушел бы несчастным и, возможно, связался с какой-нибудь ужасной женщиной, чтобы польстить своему тщеславию. А если бы вы не отвергли меня, что бы мы делали? Поженились и сразу же расстались? Обручились бы и согласились на долгий период ожидания? Я не мог бы вынести, если бы вы пошли на это. Вы можете встретить кого-нибудь другого

и будете чувствовать себя обязанной хранить мне «верность». Мы живем в странной, лихорадочной атмосфере «давай-вперед-быстрее». Вокруг нас возникают и рушатся браки и романы. Я хотел бы знать, что вы уехали домой, свободная и независимая, смогли оглядеться и оценить новый послевоенный мир, и решить, чего вы от него ждете. То, что существует между нами, София, должно быть постоянным. Я не принимаю никакого другого брака.

— И я тоже, — согласилась София.

— С другой стороны, — сказал я, — думаю, я был обязан сказать вам, как... ну, о своих чувствах.

— Но без неуместных лирических выражений? — пробормотала София.

— Дорогая, разве вы не понимаете? Я старался не говорить, что люблю вас...

Она остановила меня.

— Я действительно понимаю, Чарльз. Мне нравится ваш забавный способ объясняться. И вы можете приехать навестить меня, когда вернетесь, если по-прежнему будете этого хотеть...

Настала моя очередь перебить ее.

— В этом не может быть сомнений.

— Всегда есть сомнения, во всем, Чарльз. Может всегда появиться какой-то фактор, который невозможно учесть, и он опрокинет тележку с яблоками. Во-первых, вы мало знаете обо мне, правда?

— Я даже не знаю, где вы живете в Англии.

— Я живу в Суинли-Дин.

Я кивнул, услышав название известного дальнего пригорода Лондона, где находятся три отличных городских поля для гольфа.

Она тихо и задумчиво прибавила:

— «В скрюченном домишке...»

Должно быть, у меня был слегка ошарашенный вид, так как ее, кажется, это позабавило, и она расширила цитату:

— «А за скрюченной рекой в скрюченном домишке жили летом и зимой...» Это мы. В реальности наш дом не такой уж ма-

ленький. Но определенно скрюченный — и фронтон, и половина деревянных конструкций.

— Вы из большой семьи? Есть братья и сестры?

— Один брат, одна сестра, мать, отец, дядя, тетя, жена дяди, дедушка, сестра покойной бабушки, вторая жена дедушки.

— Боже правый! — воскликнул я, слегка ошеломленный.

Она рассмеялась.

— Конечно, обычно мы не живем все вместе. Это из-за войны и воздушных налетов. Но я не знаю, — она задумчиво нахмурилась, — возможно, духовно семья всегда жила вместе, под присмотром и защитой моего дедушки. Он — выдающаяся личность, мой дедушка. Ему больше восьмидесяти лет, его рост четыре фута десять дюймов, и все рядом с ним выглядят довольно тускло.

— Звучит интересно, — заметил я.

— Он — интересный человек. Грек из Смирны. Аристид Леонидис. — И добавила, подмигнув: — Он очень богат.

— Будет ли кто-нибудь богатым, когда это закончится?

— Мой дедушка будет, — уверенно заявила София. — Никакая тактика выкачивания денег из богачей на него не подействует. Он просто сам выкачивает деньги из тех, кто захочет сделать это с ним... Интересно, — прибавила она, — понравится ли он вам?

— А вам он нравится?

— Больше всех на свете, — ответила София.

ГЛАВА 2

Прошло два года, прежде чем я вернулся в Англию. Это были нелегкие годы. Я писал Софии и довольно часто получал известия о ее семье. Ее письма, как и мои, не были любовными — просто послания, написанные друг другу близкими людьми: в них мы делились идеями и мыслями, комментировали ход повседневной жизни. И все же я знал — про себя и про Софию также, — что наши чувства друг к другу росли и крепились.

Я вернулся в Англию в теплый, пасмурный сентябрьский день. Листья на деревьях золотил вечерний свет. Ветерок дул игривыми порывами. С аэродрома я послал телеграмму Софии:

«Только что вернулся. Давай поужинаем сегодня вечером в ресторане Марио в девять часов. Чарльз».

Через пару часов я сидел и читал «Таймс», и в колонке объявлений о рождениях, свадьбах и смертях мое внимание привлекло имя «Леонидис».

«19 сентября, в «Трех фронтонах», Суинли–Дин, на восемь–десять восьмом году жизни скончался Аристид Леонидис, любимый муж Бренды Леонидис. Глубоко скорбим».

Чуть ниже было напечатано еще одно объявление:

«ЛЕОНИДИС — умер внезапно, в своей резиденции «Три фронтона», Суинли–Дин, Аристид Леонидис. Глубоко скорбящие дети и внуки. Цветы присылать в церковь Св. Элдред, Суинли–Дин».

Эти два объявления показались мне довольно любопытными. По–видимому, служащие допустили какую–то ошибку, и это привело к появлению двух объявлений. Но моей главной заботой была София. Я поспешно послал ей вторую телеграмму:

«Только что прочел известие о смерти вашего дедушки. Глубоко сожалею. Дайте мне знать, когда я могу вас увидеть. Чарльз».

Телеграмма от Софии пришла в шесть часов, в дом моего отца. В ней говорилось:

«Буду у Марио в девять часов. София».

Мысль о том, что я снова встречу с ней, одновременно взволновала меня и заставила нервничать. Время ползло так медленно, что это сводило меня с ума. Я пришел к Марио на двадцать минут раньше назначенного времени и стал ждать. София опоздала всего на пять минут.

Всегда испытываешь шок, когда снова встречаешься с человеком, которого долго не видел, но о котором ты думал все это время. Когда она наконец вошла во вращающуюся дверь, наша

встреча показалась мне совершенно нереальной. София была одета в черное платье, и это почему-то меня испугало. Большинство других женщин носят черное, но я вбил себе в голову, что это знак траура, и меня удивило, что София принадлежит к тем людям, которые действительно носят черное — даже в знак скорби по близкому родственнику.

Мы выпили по коктейлю, потом нашли наш столик. Говорили быстро и лихорадочно, расспрашивали о старых каирских друзьях. Это была искусственная беседа, но она помогла преодолеть первую неловкость. Я выразил ей соболезнования по поводу смерти бабушки, и София тихо ответила, что она была «очень внезапной». Затем мы снова предались воспоминаниям. Я начал испытывать неловкое ощущение того, что нечто идет не так, и это не связано с первой естественной неловкостью встречи после разлуки. Определенно, что-то было не в порядке с самой Софией. Не собирается ли она сказать мне, что нашла другого мужчину, которого любит больше, чем любила меня? Что ее чувство ко мне было «ошибкой»?

Все же мне казалось, что дело не в этом; а вот в чем — я не знал. А пока мы продолжали нашу натянутую беседу.

Затем, совершенно неожиданно, когда официант поставил на столик кофе и с поклоном удалился, все встало на свои места. Мы с Софией сидели вместе, как часто прежде, за маленьким столиком в ресторане. Несколько лет разлуки словно и не было.

— София, — произнес я.

— Чарльз, — тут же отозвалась она.

У меня вырвался глубокий вздох облегчения.

— Слава Богу, все кончилось, — сказал я. — Что это с нами было?

— Наверное, это моя вина. Я вела себя глупо.

— Но теперь все в порядке?

— Да, теперь все в порядке.

Мы улыбнулись друг другу.

— Дорогая! — сказал я. А потом: — Когда ты выйдешь за меня замуж?

Улыбка ее погасла. То нечто, чем бы оно ни было, вернулось.

— Не знаю, — ответила она. — Я не уверена, Чарльз, что смогу когда-нибудь выйти за тебя замуж.

— Но, София, почему? Потому что ты чувствуешь, что я тебе чужой? Хочешь подождать некоторое время, чтобы снова привыкнуть ко мне? У тебя есть кто-то другой? Нет... — оборвал я сам себя. — Я глупец. Не в этом дело.

— Не в этом. — Она покачала головой. Я ждал. Она тихо произнесла: — Дело в смерти моего дедушки.

— В смерти твоего дедушки? Но почему? Какое это может иметь значение? Ты ведь не хочешь сказать... ты не думаешь... дело в деньгах? Он не оставил денег? Но, конечно, любимая...

— Дело не в деньгах. — На ее лице промелькнула улыбка. — Думаю, ты был бы готов «взять меня в одной сорочке», как говорили раньше. А дедушка никогда в жизни не терял денег.

— Тогда в чем же дело?

— Просто его смерть... Видишь ли, Чарльз, я думаю, что он не просто... умер. Может быть, его убили...

Я уставился на нее.

— Но... что за фантастическая мысль! Почему ты так думаешь?

— Не я так подумала. Начать с того, что доктор вел себя странно. Он не хотел подписывать свидетельство о смерти. Они собираются делать вскрытие. Совершенно ясно, они подозревают, что здесь что-то не так.

Я не стал с ней спорить. Мозги у Софии были в полном порядке; на любой вывод, к которому она приходила, можно было положиться. Вместо этого я серьезно произнес:

— Их подозрения, возможно, совершенно необоснованны. Но если предположить, что они подтвердятся, какое отношение это может иметь к нам с тобой?

— Может, при определенных обстоятельствах. Ты на дипломатической службе. Они очень пристрастно относятся к женам...

Нет, прошу, не надо говорить все то, что тебе не терпится сказать. Ты должен это сказать, и я верю, что ты действительно так думаешь, и теоретически я с этим полностью согласна. Но я гордая, я чертовски гордая. Я хочу, чтобы наш брак был удачным для нас обоих, и не хочу, чтобы он представлял собой жертву ради любви. И, как я сказала, все может быть в порядке...

— Ты хочешь сказать, что доктор, возможно, ошибся?

— Даже если он не ошибся, это не имеет значения, — если его убил соответствующий человек.

— Что вы имеете в виду, София?

— Отвратительно так говорить. Но в конце концов лучше быть честной... — Она предупредила мои следующие слова. — Нет, Чарльз, я больше ничего не скажу. Наверное, я и так уже сказала слишком много. Но я твердо решила прийти и встретиться с тобой сегодня, чтобы заставить тебя понять. Мы ничего не можем планировать, пока все не выяснится.

— По крайней мере, расскажи мне об этом.

Она покачала головой.

— Я не хочу.

— Но... София...

— Нет, Чарльз. Я не хочу, чтобы ты смотрел на нас под моим углом зрения. Мне хочется, чтобы ты увидел нас непредубежденным взглядом постороннего.

— И как мне это сделать?

Она смотрела на меня, и ее сверкающие голубые глаза странно светились.

— Ты все узнаешь от своего отца.

В Каире я рассказал Софии, что мой отец — помощник комиссара Скотленд-Ярда. Он до сих пор занимал эту должность. Услышав ее слова, я почувствовал, как на меня опускается холодная тяжесть.

— Все так плохо?

— Думаю, да... Ты видишь того человека, сидящего в полном одиночестве за столиком у двери? Довольно приятный на вид, невозмутимый, похож на бывшего военного...